

— Извини, но парней я не люблю. И никогда в жизни не полюблю.

Гу Цзицин услышал эти слова, когда подошел к остановке университетского челнока, катя за собой чемодан и прижимая к уху телефон, он остановился.

В Пекине стоял ранний зимний вечер, окутанный серой хмурой дымкой. На углу остановки безжизненно застыли голые ветви, и говоривший парень стоял как раз в этом пятнистом переплетении света и теней.

Высокий, безупречно сложенный — даже когда он просто стоял рядом, его рост почти в метр девяносто отзывался ощутимым давлением. Черты лица казались резкими, даже хищными: высокий мостик носа, глубокие надбровные дуги, узкие складки двойных век и чуть приподнятые внешние уголки длинных глаз. От всего его облика веяло отстраненным, высокомерным холодом.

Настоящий эталонный топ. И голос — глубокий, бархатистый, приятный на слух.

Вот только слова звучали слишком беспощадно.

Парень, признавшийся ему в чувствах, стоял с покрасневшими глазами и выглядел откровенно жалко.

Гу Цзицин не привык лезть в чужую жизнь, поэтому, мазнув по ним случайным взглядом, отвернулся и снова стал ждать автобус до Северного кампуса.

В динамике тем временем надрывался собеседник:

— Сяо Гу, ты правда собрался съезжать из общежития? А как же Хэ Чанчжи? Вернется — с ума же сойдет!

Неподдельный испуг и тревога на том конце провода зашкаливали. Гу Цзицин же ответил с мягкой, ленивой неторопливостью:

— Брат Лу, я же говорил: меня с ним ничего не связывает.

— Как это не связывает?! — Собеседник вроде бы и хотел отчитать его, да рука не поднималась, поэтому он лишь суетливо убеждал: — Мы всей комнатой целый год наблюдали, как он вокруг тебя вьется! Если бы не ты, он ни за что не расстался бы с девушкой и уж тем более не совершил бы внезапный каминг-аут! Даже если он тебе не нравится, мог бы хотя бы дать человеку шанс, разве нет?

Подтекст был прозрачен: раз уж ты сделал Хэ Чанчжи геем, будь добр нести за это

ответственность.

С тех пор как Гу Цзицин дал Хэ Чанчжи от ворот поворот, подобные обвинения он слышал сотни раз. Пускаться в бессмысленные оправдания не хотелось, поэтому ответил он все тем же ровным, безразличным тоном:

— Брат Лу, Хэ Чанчжи может любить меня сколько угодно — это его дело. Но из этого не следует, что я обязан отвечать ему взаимностью. И уж тем более я не отвечаю за его внезапно «сменившуюся» ориентацию.

В его голосе звучала характерная для южного выговора мягкая, расслабленная нежность. В нем не слышалось ни едкой язвительности, ни ледяного отчуждения, однако от этой спокойной мягкости веяло еще более жестоким равнодушием.

На том конце окончательно потеряли самообладание:

— Да даже если ты съедешь, что с того?! Хэ Чанчжи захочет тебя найти — найдет! Ты хоть знаешь, в чью комнату тебя подселяют?

Гу Цзицин промолчал. Когда он подавал заявление на перевод, в отделе по воспитательной работе ему четко дали понять: на всем курсе свободно ровно одно место, выбирать не из чего. Допытываться он не стал — главное, что удастся выехать.

Но собеседник, похоже, решил использовать это как главный козырь:

— Я специально разузнал! Тебя селят к Чжоу Цыбаю и его компании! Ты как там жить-то собираешься?!

Гу Цзицин продолжал молчать. Имя казалось знакомым, но лично они не пересекались, да и о его характере он ничего не знал, так что причину чужой паники уловить не мог.

Собеседник не заставил ждать объяснений:

— Чжоу Цыбай — гомофоб! Самый настоящий, ярый гомофоб! Переедешь к нему — он тебе жизни не даст! А останешься с нами, так Хэ Чанчжи тебя хотя бы пальцем не тронет, разве нет?

Повисла короткая пауза. Гу Цзицин слегка опустил голову и едва заметно усмехнулся.

Вот, значит, к чему он клонил. На этом бессмысленный разговор можно было считать оконченным.

Как раз в этот момент к остановке плавно подкатил университетский челночный автобус, и Гу Цзицин с ленивой смешинкой в голосе произнес:

— Ничего страшного, брат Лу. Мне ведь не привыкать сгибать натуралов в бараний рог — одним Чжоу Цыбаем больше, одним меньше, какая разница?

Собеседник на том конце провода поперхнулся и замолчал. Гу Цзицин с чувством выполненного долга сбросил вызов.

Подняв глаза, он снова столкнулся взглядом с тем самым высоким парнем. Тот, видимо, услышал его реплику. Чуть приподняв веки, он равнодушно скользнул по нему взглядом и тут же отвернулся, после чего развернулся и быстро шагнул в сторону баскетбольного комплекса.

Это был лишь мимолетный скользящий взгляд, однако в нем проскользнуло нескрываемое отвращение и презрение. Словно Гу Цзицин ляпнул нечто глубоко личное и оскорбительное для него.

Гу Цзицин на мгновение опешил, но не стал забивать себе голову чужими странностями. Автобус остановился прямо перед ним.

В темном стекле отразился его собственный силуэт: белая пуховая куртка до самых лодыжек, объемный капюшон с пышной меховой опушкой почти полностью скрывал лицо, оставляя видимым лишь аккуратный, фарфорово-белый подбородок. Впрочем, даже этого хватило, чтобы пара студенток неподалеку принялась исподтишка разглядывать его.

Гу Цзицин натянул капюшон пониже и, подхватив чемодан, поднялся в салон.

Натура у него была ленивая, суету он терпеть не мог. Не будь жизненные обстоятельства в прежней комнате слишком уж утомительными, он бы ни за что не стал посреди зимы затевать хлопотный переезд. К счастью, фортуна оказалась на его стороне: как раз в этом семестре у кого-то со второго курса архитектурного факультета наклеилась стажировка за границей. Освободилось место, и заявление на перевод утвердили в считанные дни.

Что же до гомофобии нового соседа... До конца первого семестра второго курса оставалось меньше двух месяцев. А там можно подать на выселение и снять жилье за пределами кампуса. Главное — постараться не мозолить чужие глаза.

Гу Цзицин морально приготовился к холодному приему, но его опасения не оправдались — встречаться пока было просто не с кем.

— Ох, как же ты быстро собрался! Я даже предупредить ребят не успела, а они на эти выходные как раз разъехались, — тараторила комендантша общежития. — Впрочем, парни там хорошие собрались. Вернутся — познакомитесь, подружитесь, не переживай.

Похоже, женщина куда-то спешила: бросив напоследок пару напутствий, она ушла. Гу Цзицин остался один и принялся осматривать новое жилище.

Общежития Университета Цинда славились отличными условиями. Планировка новой комнаты ничем не отличалась от прежней: четверка, двухъярусные блоки с кроватью наверху и рабочим столом внизу, слева от входа — отдельный санузел, напротив — балкон, а между двумя блоками комнат обустроена небольшая общая гостиная.

Помещение было достаточно просторным, но все равно захламленным до отказа: повсюду валялись баскетбольные джерси, кроссовки, куртки, провода от компьютеров и коллекционные фигурки.

Относительный порядок наблюдался лишь на месте слева, возле совмещенного узла. Книги и одежда там лежали хоть и не по линейке, но опрятно, а на столе стоял флакон со спортивным замораживающим спреем.

Пустующая койка находилась по соседству, у самого балкона, и представляла собой гору разного хлама, к которой страшно было подступиться.

Поставив чемодан, Гу Цзицин надел перчатки и взялся расчищать пространство. Но стоит ему убрать коробку с растворимой лапшой, как с верхней полки с грохотом посыпались использованные палитры с подсохшей краской.

Белоснежный пуховик и обнаженная кожа на запястьях тут же покрылись россыпью ярких брызг.

Впрочем, Гу Цзицина это несколько не смутило. Он лишь наклонился и поднял с пола выпавший из кипы эскиз.

На листе был нарисован лишь один глаз: разрезом напоминающий лепесток лотоса, с изящно удлинённым внешним уголком, украшенным алой родинкой. Рисунок дышал чарующей, чистой красотой.

Слухи о том, что архитекторы мастерски владеют кистью, оказались правдой. Вот только эскизу не хватало жизни: создавалось ощущение, будто сам художник не до конца представлял образ, отчего черты вышли слегка размытыми. Не шедевр, но неплохо.

Положив рисунок обратно на полку, Гу Цзицин быстро закончил с уборкой, сбросил заляпанную куртку на вешалку за дверь и направился в душевую.

В ту самую секунду, когда за ним закрылась дверь, в кармане оставленного пуховика звякнуло уведомление.

"Мать твоя! Гу-Гу! Ходят слухи, будто ты собрался согнуть Чжоу Цыбая?!!"

— Твою же мать, Чжоу Цыбай! Тут болтают, будто Гу Цзицин собрался сделать из тебя гея?!

Чжоу Цыбай только-только выгрузился из баскетбольного комплекса и подходил к общежитию, когда на него обрушился звонок от Лу Пина, сопровождаемый скриншотом.

[Стена признаний: Мать вашу, вот это сенсация! Главный шок этого века! Мы сегодня на остановке в Южном кампусе своими ушами слышали, как Гу Цзицин заявил, что согнет Чжоу Цыбая! Прямо у него на глазах! Охренеть можно!!!]

Остановка в Южном кампусе? Чжоу Цыбай кое-что вспомнил, и его брови сошлись к переносице.

На том конце провода Лу Пин задыхался от паники:

— Четвертый, что делать-то?! Не дай бог, пока мы с Чэнь Цзи отдыхаем в Аная, ты уже сменишь ориентацию?!

— Что за бред ты несешь? — Морщины на лбу Чжоу Цыбая стали еще глубже. — Ты же отлично знаешь мое отношение к подобному.

— Так ситуация другая! — Лу Пин почти визжал в трубку. — Это же Гу Цзицин! Гу Цзицин — гроза натуралов!

Чжоу Цыбай даже глазом не моргнул. Лу Пин взвыл:

— Ну Хэ Чанчжи с математического факультета ты хотя бы знаешь?! Он еще из баскетбольной команды Института естественных наук играет!

— Знаю, и что? — Чжоу Цыбай привычным движением приложил пропуск к турникету.

— Так он живой пример! — выпалил Лу Пин. — У человека девушка была, к свадьбе дело шло! Пожил в одной комнате с Гу Цзицином годик — и всё, поплыл парень! С девушкой порвал, каминг-аут совершил, а недавно при признался этому Гу Цзицину в любви и был жестко послан! Ну скажи, разве не трагедия?!

Лу Пин старался изо всех сил, желая достучаться до сознания друга, но Чжоу Цыбай сохранял ледяное спокойствие:

— Никакой трагедии.

— Ты серьезно?!

— Если ты состоял в отношениях и не сумел удержать свои чувства в узде, то сам виноват, — ответил Чжоу Цыбай. Предателей и изменников он всегда презирал всем сердцем.

— Да нельзя же так строго! — принялся защищать Хэ Чанчжи Лу Пин. — Чувствам не прикажешь. К тому же, когда с тобой в одной комнате живет такой парень, как Гу Цзицин, и вы каждый день сталкиваетесь лоб в лоб... Да если он еще хоть пару раз применит свои чары — любой поплывет!

— Будучи в отношениях, сменить ориентацию — в любом случае ненормально, — Чжоу Цыбаю этот аргумент показался смехотворным.

Лу Пин уже готов был волосы на себе рвать от этой непробиваемой упертости:

— Да ты не веришь! Вспомни приветственный вечер на первом курсе, ты тогда не смог прийти. Гу Цзицин выступал на сцене — мать божья, да он выглядел как божество! У меня, закоренелого натурала, сердце в пятки ушло! Если даже Хэ Чанчжи не устоял, то ты, невинный девственник, если не примешь меры, вообще закроешь глаза — и окажешься съеденным!

Лу Пин заходился от ужаса, а Чжоу Цыбай даже бровью не повел.

День и без того не задался: сначала его подкараулил незнакомый первокурсник со своими признаниями, потом он своими ушами услышал бахвальство о «сгибании натуралов», а теперь еще и Лу Пин висит на ухе со своими глупостями. Настроение стремительно портилось.

Он не испытывал беспричинной ненависти к геям, однако органически не переносил любые попытки двусмысленных подкатов со стороны мужчин. Одна лишь мысль об этом вызывала у него непреодолимое тошнотворное отторжение.

Так что страхи Лу Пина были высосаны из пальца. Да и насколько вообще красивым может быть парень?

Чжоу Цыбай воспроизвел в памяти случайный эпизод на остановке. Лица он не разглядел, да и вообще... Что там было? Слишком изящный тонкий силуэт, переборщившая с белизной кожа, излишне длинные пальцы, аккуратный остроносый подбородок да мягкий бархатный голос. Ничего выдающегося. Лу Пин явно сгущал краски.

Остановившись у двери своей комнаты, он достал ключ, вставил его в замочную скважину и с раздражением бросил в трубку:

— Успокойся. Я прямее некуда, меня не согнуть. Да и не сказал бы я, что он так уж...

...красив.

Слово застряло у Чжоу Цыбая в горле.

Едва он толкнул дверь, как вешалка затрещала, и знакомый белый пуховик до самых пяток с легким шорохом упал на пол.

В тот же миг распахнулась дверь душевой. Из нее вышел хрупкий юноша в одной лишь накинута наспех рубашке. Пропитанная влажным паром ткань чуть липла к телу, обрисовывая изящные, глубоко просевшие ключицы.

Подол рубашки висел свободно, полностью скрывая талию, зато длинные, безупречно точеные ноги оставались совершенно обнаженными. В сочетании с узкими тонкими лодыжками юноша казался почти невесомым, невероятно изящным.

Казалось, стоит лишь протянуть руку — и сможешь легко обхватить это хрупкое тело, оставить на бледной, фарфоровой коже алеющие следы.

Вскинув взгляд на вошедшего, юноша ровно в этот миг роняет каплю воды с влажной челки. Она проскальзывает по кончикам ресниц, омывает брови и глаза, подсвечивая крошечную алую родинку у внешнего уголка — холодное, чистое, манящее сияние, подобное зимнему лунному свету.

И вся эта картина с пугающей точностью совпала с образом, намертво отпечатавшимся в самой глубине памяти Чжоу Цыбая.

Его разум в мгновение ока потерпел крушение, намертво сев на мель. Лишь в груди бушевал шторм, заставляя сердце биться в бешеном, оглушительном ритме тяжелых барабанов.

Лишь когда из динамика телефона пробился вопль Лу Пина: «Эй, ты где там пропал?!», Чжоу Цыбай очнулся.

Осознав, *о чем* он только что подумал, Чжоу Цыбай почувствовал, как в его голове со скрежетом взрываются разом все пиротехнические заводы Пекина. После оглушительной канонады осталась лишь звенящая, пылающая пустота.

Подчинившись чистейшему инстинкту, он с оглушительным «хлоп!» захлопнул дверь обратно. Судорожно сжав дверную ручку, чувствуя, как пылают уши, а сердце едва не выпрыгивает из груди, он подумал:

«И правда... ничего особенного».

<http://bllate.org/book/20143/1992098>